

Филиппино- и англоязычная поэзия Эдгара Маранана

Е. А. Бакланова

ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ МГУ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА, МОСКВА

Аннотация. Крупный филиппинский современный поэт и писатель Эдгар Маранан (род. в 1946 г.) пишет на тагальском (филиппино) и английском языках. Разница между тагало- и англоязычной поэзией Маранана наиболее заметна в выборе тем и форм произведений. В большинстве *тагалоязычных стихов* Маранан обращается к темам филиппинской жизни, значительное внимание уделяя социальным проблемам. При этом его лирический герой не отстранен, он сопереживает, а не наблюдает. Здесь Маранан использует традиционные филиппинские и европейские формы стихосложения, а также экспериментирует с размером, пишет рифмованным стихом. *Англоязычная поэзия* Маранана отличается меньшим разнообразием форм (регулярно используется верлибр), субъект предстает как космополит, наблюдатель, путешественник.

Ключевые слова: современная литература, литература Филиппин, филиппинская поэзия.

УДК 821, 82-14

Контактная информация: Бакланова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИСАА МГУ (ул. Моховая, 11, Москва, 119991, langit7@yandex.ru)

Бакланова Е. А. Филиппино- и англоязычная поэзия Эдгара Маранана // Критика и семиотика. 2015. № 1. С. 284–294.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 1
© Е. А. Бакланова, 2015

О филиппинцах часто говорят как о народе «с малайской душой, испанским сердцем и американским разумом». Действительно, Филиппинский архипелаг, населенный более чем 120 народностями – носителями языков малайско-полинезийской семьи, на протяжении веков испытывал влияние малайской и других азиатских культур, с XVI по конец XIX в. был колонией Испании, превратившись в единственное в Азии христианское государство (более 85 % католиков), а с рубежа и до середины XX в. находился под властью США. С начала XX в. американская колониальная политика на Филиппинах обусловила успешное внедрение английского языка в большинство сфер жизни филиппинского общества. Это запустило процессы развития би- и полилингвизма среди местного населения (подробнее об этом см.: [Бакланова, 2013, с. 180–182]). Менее чем за полвека (с 1900-х по 1940-е гг.) в основном сформировались жанры филиппинской англоязычной литературы. Писатель Франсиско Арсельяна отмечал, что к 1930-м гг. крупные филиппинские прозаики овладели английским языком настолько, что могли без заметной языковой интерференции писать об окружающей действительности [Arcellana, 1967, p. 607]. Формирование англоязычной поэзии, безусловно, заняло больше времени: к середине XX в. лишь единицы из филиппинских поэтов, писавших на английском, получили признание на родине и в США [Abad, 2005, с. 6; Lumbera B., Lumbera C., 2005, p. 96]. Пионером стал Хосе Гарсиа Вилья, чьи стихи уже в 1931 г. опубликовал крупный чикагский журнал «Poetry», позднее заявили о себе Карлос Булосан, Н. В. М. Гонсалес, Бьенвенидо Сантос. Во второй половине XX в. такие представители филиппинской англоязычной поэзии, как Эдит Тьемпо и Роландо Тинио, были удостоены звания Народных артистов в области литературы за вклад в развитие англоязычной поэзии и прозы в стране. С 1930-х гг. Хосе Г. Вилья, а вслед за ним молодые поэты-модернисты во главе с Алехандро Абадильей в своем творчестве провозгласили главенство формы и поэтического языка над содержанием, начали внедрять новые приемы современной им американской поэзии, отвергая обязательность рифмы и размера. Начиная с середины XX в. большинство филиппинских поэтов, особенно англоязычных, часто пишут свободным стихом. Авторы экспериментируют с формами стихосложения: традиционные филиппинские *танага*, *далит* и др., японские трехстишия *хайку*, индонезийский *пантун*, европейской *вилланель*, а также смешанные формы. При этом в филиппинской поэзии преобладают бедные рифмы (даже «миражные»): ассонансные, где совпадают только гласные, в том числе неударные: *áhas – álat, talós – poót*; консонантные, с совпадением согласных и целых слогов вокруг различающихся ударных гласных: *dámi – dùmi, páso – póso*¹.

¹ Автор благодарит поэта Кармело Надере-мл. за лекцию по филиппинской поэтике, а также за предоставленную рукопись его доклада на конференции

В последние декады XX в. в авангарде филиппинской литературы встали молодые поэты и писатели, работавшие в университетах и колледжах, где они оттачивали перо и одновременно преподавали литературное мастерство и историю литературы. Экспериментируя с формой, они наполняли ее актуальным содержанием. В их числе был и поэт-билингв Эдгардо (Эдгар) Маранан, начавший писать и на тагальском языке (в качестве государственного именованном «филипино») и на английском. На середину XX в., период оттачивания поэтического мастерства в литературе, пришлось детские годы Маранана. Он родился в тагалоязычной провинции Батангас в 1946 г., в год провозглашения независимости Республики Филиппины. Детство провел в г. Багио, соприкоснувшись с фольклором горных народов Северного Лусона. Годы его учебы и работы в столичном Университете Филиппин (1960-е – 1970-е) были ознаменованы ростом общественно-политической активности в стране. Борьба против диктатуры президента Фердинанда Маркоса, который для сохранения своей власти в 1972 г. почти на 10 лет ввел в стране военное положение, сопровождавшееся массовыми политическими репрессиями; обличение всевластия и коррупции, протест против подчинения интересам США – все это стало не только частью жизни филиппинских граждан, но и одной из главных тем в литературе страны.

Маранан был активным членом оппозиционных общественных и литературных объединений (SAGUPA, PAKSA, GAT), в годы военного положения, на пике тирании Ф. Маркоса присоединился к движению сопротивления, за что на 2 года попал в тюрьму (1976–1978 гг.). Как в заключении, так и после него Э. Маранан активно писал стихи и на тагальском, и на английском языке. Стихи вышли отдельными сборниками в 1980-х гг.: и тагалоязычный «Alab» («Пламя») и англоязычный «Agon» («Агон» как персонификация состязаний) были удостоены престижной Премии им. Карлоса Паланки, считающейся «Пулитцеровской премией Филиппин». Произведения в них различны по форме, но их общая идея – неприятие насилия и призыв к свободе:

*...saanmán ang láya’y liliparín
anóng layô ma’y mararatíng din...*

...Куда б за свободой ему ни лететь,
Любую даль сможет преодолеть...

или:

*In the meantime, let us grow
our food, write our books, love our
women,*

...Пока же давайте будем растить
Нашу пищу, книги писать и женщин
любить

<i>and fight foreign devils.</i>	И бороться с чужими дьяволами.
<i>This will be our conquest, let the planet rest.</i>	В этом наша победа, отдохнет пусть планета.

В отличие от многих поэтов, со временем избравших себе только один язык творчества, Маранан продолжает писать на двух языках. И даже уехав в качестве дипломата на 13 лет работать в посольство Филиппин в Лондоне, он продолжает писать и на английском, и на тагальском. Поэзия Э. Маранана относится к тому типу художественного билингвизма, при котором творчество на разных языках осуществляется самостоятельно, без самоперевода.

Как правило, языковеды отмечают «двойственность культурно-языкового континуума» в произведениях писателя-билингва. Выделяют различные проблемы, связанные с литературным билингвизмом, в том числе языковую интерференцию, приоритетность языка (фактическую и селективную) в творчестве автора, дуалистическое воздействие языков на жанр и стиль создаваемых на них произведений, композиционную сложность последних [Кабакчи, 2011, с. 112–113] (см. также: [Нефёдова, 2008]). Билингвизм Эдгара Маранана напрямую не отражается на языке его поэзии. Сложно найти какие-либо заметные следы интерференции в тагальских, или, напротив, английских его стихах. Число англицизмов очень невелико, они встречаются окказионально и в форме заимствований, а не фактов переключения кодов: такие лексемы, как *drayber ng taksi* «таксист», *poster* «афиша, плакат», *plaslays* «карманный фонарик», еще в прошлом веке вошли в узус тагальского языка. В англоязычной поэзии филиппинская лексика – это экзотизмы, добавляющие аутентичности в описания жизни и красот архипелага.

Приоритетность языка в творчестве Эдгара Маранана определяется его национальной и культурной самоидентификацией: он филиппинец, тесно связанный с культурой своей страны и, несмотря на длительное проживание на Западе, никогда не являвшийся эмигрантом. Фактическим языковым приоритетом писателя является родной тагальский, им Э. Маранан владеет лучше, чем английским. Что касается селективного приоритета, т. е. выбора конкретного языка как средства авторского творчества для данного произведения, то для поэзии Маранана характерна *жанрово-стилистическая дифференциация* в зависимости от использования тагальского или английского: разница между его тагало- и англоязычной поэзией наиболее заметна в выборе *темы и формы* произведения.

Темы. В большинстве *тагалоязычных* стихов Э. Маранан, обращаясь к темам филиппинской жизни – обычаям и традициям, красотам природы, жизни деревни и города, любви, значительное внимание уделяет ее социальным проблемам – неравенству, порокам современного филиппинского общества, насилию, войне. При этом его лирический герой не отстранен,

он выступает как часть родины, сопереживая, а не наблюдая. Яркий пример – большая элегия «В этот день» (*Sa araw na ito*) с говорящим подзаголовком «Картины горя и надежд нашего времени»: здесь и «рабочий со шрамом памяти о фабрике и городе», с «ухом, разорванным жадной машиной», и «сиротливый рыбак» возле «безжалостного моря», и крестьянин «с трещинами на ладонях цвета земли», с «горбом на прежде красивой фигуре»; и абориген, загнанный в горы, с которого «сорвали собственное имя». Он – «скелет цивилизации, склонившийся и проигравший / в собственной отчизне: в городе дурачок, а здесь – слуга, / либо бедняк, танцующий ради милости / христианского бога новой нации». Тема социальных пороков и нравственного выбора филиппинцев часто звучит в тагальских стихах Э. Маранана. Так, в элегии «Монолог ангела света, возвращающегося в гнездо» (*Monologo ng anghel ng liwanag sa kanyang pagbabalik sa pugad*) автор сопереживает молодой учительнице, словно ангелу, несшему детям свет и знание, «ответы на множество вопросов». Поехав в Японию подзаработать артисткой, она вернулась на родину с истерзанной душой и оскверненным телом, словно «ангел с заляпанными грязью крыльями».

В патриотическом стихотворении «Есть один отец...» (*May isang ama*), посвященном лидеру повстанческого движения Криспину Белтрану, поэт рассматривает разные жизненные позиции филиппинцев: бывают отцы, смирившиеся со своей жалкой долей бедняка, сносящие притеснения, не способные прокормить голодающих детей; бывают отцы, даже неграмотные, но всю жизнь живущие достойно, из последних сил зарабатывающие деньги для семьи, хотя всюду их подстерегает беда – опасные стройки, вредное производство. Есть отцы, посвятившие себя борьбе, бывшие горожане, крестьяне, рабочие, цель жизни которых – добиться справедливости. Есть отцы, потерявшие надежду в собственное общество, которые уезжают в другую страну и там сносят лишения и тоску по родине. Есть отцы, которые из любви к себе, своей семье, комфорту, роскоши, власти становятся начальниками – «коррупцированными и жадными», которым «по-настоящему важно» лишь «скопить себе на дворец». Есть отцы, на людях – «образец для подражания», «гордость семьи, объект восхищения», а у самих – «руки в крови», ведь они стали «палачами невинных, / приспешниками царьков». Но есть отец, «обычный человек, / сын трудяги, рожденный в нищете», поработавший и курьером, и водителем, но однажды вступивший в ряды народного сопротивления и ставший лидером огромных масс. «Сколько принципов он отстаивал, / За рабочих и крестьян, за свободу и права, / И не раз попадал в тюрьму». Поэт заключает:

Ang báyan ay darakilà, kung siyá ay tutularán:

Страна станет великой, если будет ему подобна:

<i>Haligi na ng tahána 'y, sandígan pa ng lipunán.</i>	Он и опора дома, он и основа общества.
<i>Magiliw at matapát bílang asáwa at magúlang</i>	Любящий и честный муж и родитель
<i>Nakibáka hanggáng wakás, at láging nanindígang</i>	Боролся до конца, и всегда его принципом было
<i>Sa laháat ng panahón, ang báyan ay paglingkúran</i>	В любое время служить своей отчизне.

Неродной *английский язык* диктует поэту иное мировоззрение. Как в свое время признавался Роландо Тинио, «филиппинский мир переводят набором английских терминов», «филиппинские отношения втискивают в логику английских предложений» (цит. по: [Reyes, 2009, p. 164]). Думается, что, оперируя языком международного общения, Маранан-поэт и мыслить начинает более глобально, нежели локально. По-видимому, с этим связано отличие тематики и стиля англоязычной поэзии Маранана от его стихов на родном языке. Автор предстает более как космополит, «человек мира», его лирический герой – чаще наблюдатель, подобный путешественнику, со стороны глядящему на проплывающие мимо города, страны, нации. Не случайно сборник его лучших англоязычных стихов за 1983–2006 гг., удостоенный Национальной книжной премии Филиппин, получил название «Passage» (англ. «проезд, переезд»):

<i>Remembrance is a swift train ride</i>	Воспоминание – это быстрый проезд на поезде
<i>from tunnel to tunnel light to light</i>	из тоннеля в тоннель, от света к свету
<i>from life to death to life</i>	от жизни к смерти и к жизни
<i>with loves and hatreds wars and peaces in-between</i>	с любовью и ненавистью, войнами и миром – между.

Интересно сравнить 2 стихотворения Маранана о филиппинской фиесте – тагальское «После праздника» (*Pagkalipas ng pista*) и английское «Фиеста как майское сумасшествие» (*Fiesta as Mayday Madness*). Видно, что англоязычные стихи – это описание, безоценочный взгляд со стороны на религиозный праздник:

<i>...tribes wheel in to homage the saints</i>	...племена тянутся, чтоб почтить святых,
--	---

<i>granaries are fed to locust friends</i>	амбары скормлены другу-саранче,
<i>meat softens in vats and pots</i>	мясо мякнет в чанах и горшках,
<i>wine flows in a dry year</i>	вино течет в засушливый год,
<i>and folks most kind</i>	а добрый народ
<i>are dishing out</i>	раскладывает
<i>the sweetest</i>	сладкий
<i>flan...</i>	флан...

Тагальское же стихотворение о фиесте наполнено социальным содержанием. Несколькими штрихами описан прошедший праздник: оборваны флажки, смолкла музыка, гремевшая в честь покровительницы-иконы Богородицы, упала декоративная арка, завяли цветы, и смолк «чистый смех детей, дев и ангелов». Но это снова праздник бок о бок с войной, вдали еще слышен треск «пьяного автомата»:

<i>...Sawâ na ang mga paáng</i>	Ногам надоело отплясывать <i>тиник-линг</i>
<i>nangagtiniklîng</i>	
<i>sa nag-uumpugáng pangánib at</i>	В месте, где переплелись опасность
<i>pigîng</i>	и праздник,
<i>pagká't walâ nang palakpák na</i>	Потому что не вторит уж аплодис-
<i>pantugón</i>	ментами
<i>ang madláng napuyát, namalát,</i>	Изможденная, худая, голодная тол-
<i>nagutóm...</i>	па...

Английская поэзия Маранана, в отличие от тагалоязычной, посвящена не столько Филиппинам, сколько миру в целом. Поэт пишет о тех местах и странах, где побывал (США, Великобритания, Китай, Франция, Германия, острова Филиппинского архипелага), или о тех, где происходят волнующие его события. Так, его стихотворение «Коляски» (*Prams*) – отклик на ужас Беслана:

<i>At School Number One, play has ended</i>	В Школе Номер Один игры закон-
<i>for all time, a pram upended, a way-</i>	чились
<i>ward body</i>	навсегда, коляска перевернута, тело
<i>sprawled upon pavement where boots</i>	застыло
<i>rush,</i>	неуклюже на тротуаре среди бегу-
<i>as wind and networks carry a moth-</i>	щих сапог,
<i>er's anguish</i>	а ветер и СМИ разносят агонию ма-
	тери...

Поэт-философ, поэт-созерцатель – таким предстает Эдгар Маранан в большинстве своих английских стихов. Концепты его англоязычной поэзии не отражают влияния филиппинской языковой картины мира. На-

блюдения за лондонскими уличными музыкантами («Лондонские напевы, 1994»), воспоминания о счастливых моментах любви («Осеннее хайку для Г»), даже картины жизни родного архипелага (например, «Ночная рыбалка в Моронге») даются отстраненно, они не пропущены сквозь призму филиппинской культуры.

Форма. Именно в тагальских стихах Эдгар Маранан более всего обращается к традиционным филиппинским, а также европейским формам стихосложения, смелее экспериментирует с размером. Например, он использует форму филиппинской *tánaḡi* – рифмованного катрена, обычно 17-стопного, с аллегорическим содержанием:

<i>Alab ng talinghagá</i>	Жарких образов зерно
<i>Sa iyo 'y ipupunlá...</i>	Пусть в тебя упадет...
<i>Huwag, iróg, mabibiglá,</i>	Не пугайся, любимая,
<i>Kung magbúnga 'y himalá</i>	Если чудо взойдет.

Встречаются и более редкие формы, например, *куллалаль* – традиционная любовная песнь горцев юга о. Палаван, исполняемая под аккомпанемент *кутьяни* (деревянной двухструнной лютни):

<i>Nagtatálik sa úma ang úhay at sínag</i>	Соединяются в поле стебли и луч
<i>ng buwáng palahaplós sa mukhá ng</i>	месяца, жаждущего тронуть лик
<i>lúpà</i>	земли,
<i>upang ang díwà ng damó 'y pumitlág.</i>	чтоб просияла душа травы.
.....
<i>Kubóng kawáyan ay lángit at púgad</i>	Горбатая хижина – небеса и гнездо,
<i>úway, páwid namá 'y díyan ng</i>	ротанг и пальма – колыбель жела-
<i>lunggatí</i>	нья,
<i>at akó 'y bakáwan sa iyóng mga pálad.</i>	а я – журавль в твоих ладонях.

Автор использует и *вилланель* – французскую форму с 2 повторяющимися рифмами и 2 рефренами, состоящую из 5 терцетов и катрена. Так, в стихотворении «Вечно машет крылами мой свободный стих» (*Kumakampáy lagi ang tulá kong maláyà*) соблюдена композиция вилланеля: первая и третья строки начального терцета становятся чередующимися рефренами, а в финальном катрене – двумя последними строками. Маранан экспериментирует, создавая смешанные формы, в частности, так называемую «*тагулайку*» с элементами элегии (таг. *tagulaylay*) и японского трехстишия хайку: один 32-стопный катрен, одно трехстишие-хайку и одно двустишие, с рифмой типа a/b/a/b c/a/c a/c. Например, «Истребление» (*Ang Pagpuksâ*):

<i>Mga ibong bumagsák sa lúpà nangabaklî ang pakpák dugúan ang tukâ manunudlá'y humahalakhák</i>	Птицы падали на землю с переломанными крыльями, окровавленными клювами, стрелявшие хохотали,
<i>lagás ang áwit ng noón ay maláyang bagwis at bibíg</i>	поникла песня, когда-то свободных перьев и уст,
<i>sa báyan ay dakilà nalibíng niláng tiníg.</i>	в великой стране погребены их голоса.

По-видимому, бóльшая композиционная сложность и разнообразие тагалоязычной поэзии Э. Маранана по сравнению с его стихами на английском также во многом обусловлена разной степенью владения родным и иностранным языками. Преобладающие формы в поэзии Эдгара Маранана на английском языке – элегии, написанные в основном верлибром, встречаются также хайку («Хайку о далекой войне», «Хайку озеру в Потсдаме» и др.). Рифма и размер в его англоязычных стихах встречаются редко, и они нерегулярны. Согласно собственному объяснению Маранана, такие стихи не требуют рифмы и размера, «в них важны чувства, которые испытывает поэт»².

В настоящее время Эдгар Маранан проживает на Филиппинах, продолжая писать и на тагальском, и на английском. За прошедшие годы писатель завоевал 30 премий за стихи, прозу и драму на двух языках. В 2000 г. Э. Маранан был включен в Список Зала Славы Паланки как писатель, завоевавший более 5 первых премий литературного Фонда имени К. Паланки.

Список литературы

Бакланова Е. Тагальский и английский языки: контакты и взаимовлияние // Страны Юго-Восточной Азии и Запад: многообразие форм взаимодействия. Серия «Губеровские чтения». М.: Тезаурус, 2013. Т. 3. С. 180–190.

Кабакчи М. К. Билингвизм как ключевой фактор авторизованного перевода художественного произведения // Вестн. СПбГУ. Серия 9. 2011. Вып. 3. С. 111–117.

Нефёдова Л. А. Особенности организации художественной картины мира у автора-билингва // Вестн. НГТУ. 2008. Вып. 4. С. 24–29.

² Из личной переписки автора статьи с Э. Марананом (2014 г.). Автор благодарит Эдгара Маранана за ценные комментарии к его произведениям, а также за предоставленные материалы.

Abad G. H. Mapping Our Poetic Terrain: Filipino Poetry in English from 1905 to the Present // The Likhaan Anthology of Philippine Literature in English from 1900 to the Present / Ed. by G. Abad. Manila: UP ICW, UP Press, 2005. P. 3–21.

Arcellana F. Period of Emergence: The Short Story // Brown Heritage: Essays on Philippine Cultural Tradition and Literature / Ed. by A. G. Manuud. Quezon City, 1967. P. 603–617.

Lumbera B., Lumbera C. Philippine Literature: A History and Anthology. Pasig City: Anvil Publ., 2005.

Maranan E. B. Alab: mga tula. Quezon City: UP Asian Center, 1983.

Maranan E. B. Passage: Poems 1983–2006. Manila: The Bookmark. 2007.

Reyes S. S. From Manila to New York: Literature and Colonialism // From Darna To ZsaZsa Zaturrnah: Desire and Fantasy. Pasig City: Anvil Publ., 2009. P. 163–247.

Article metadata

Title: The poetry by Edgar Maranan in the Philippine and English languages

Author: E. A. Baklanova

Author's e-mail: langit7@yandex.ru

Author affiliation: Institute of Asian and African Studies (IAAS), Moscow State University (MSU).

Abstract: Edgar Maranan (born 1946) is a prominent contemporary Philippine poet and writer. He writes often in Filipino (Tagalog) as well as English. The difference between Maranan's Filipino and English poetry is most discernible in the author's choice of themes and poetic forms. In his many *Filipino poems* dedicated to various aspects of Philippine life, Maranan focuses on the social problems of his motherland. In the Filipino poetry, the author's hero is not simply a dispassionate observer but an empathizing party. Here Maranan employs a large variety of versification – from traditional Philippine to European; he freely uses different types of prosody and rhyme. The subject seems like his cosmopolitan observer and traveler in his *English poems*. The natural difference in Maranan's native and foreign language proficiency may account for the lesser prosodic variety in his English poetry than in the Filipino (e.g. vers libre is employed more often).

Key terms: contemporary literature, Philippine literature, Philippine poetry.

Reference literature (in transliteration):

Baklanova E. Tagal'skij i anglijskij jazyki: kontakty i vzaimovlijanie // Strany Jugo-Vostochnoj Azii i Zapad: mnogoobrazie form vzaimodejstvija. Serija «Guberovskie chtenija». M.: Tezaurus, 2013. T. 3. S. 180–190.

Kabakchi M. K. Bilingvizm kak kljuchevoj faktor avtorizovannogo perevoda hudozhestvennogo proizvedenija // Vestn. SPbGU. Serija 9. 2011. Vyp. 3. S. 111–117.

Nefjodova L. A. Osobennosti organizacii hudozhestvennoj kartiny mira u avtora-bilingva // Vestn. NGGU. 2008. Vyp. 4. S. 24–29.

Abad G. H. Mapping Our Poetic Terrain: Filipino Poetry in English from 1905 to the Present // The Likhaan Anthology of Philippine Literature in English from 1900 to the Present / Ed. by G. Abad. Manila: UP ICW, UP Press, 2005. P. 3–21.

Arcellana F. Period of Emergence: The Short Story // Brown Heritage: Essays on Philippine Cultural Tradition and Literature / Ed. by A. G. Manuud. Quezon City, 1967. P. 603–617.

Lumbera B., Lumbera C. Philippine Literature: A History and Anthology. Pasig City: Anvil Publ., 2005.

Maranan E. B. Alab: mga tula. Quezon City: UP Asian Center, 1983.

Maranan E. B. Passage: Poems 1983–2006. Manila: The Bookmark. 2007.

Reyes S. S. From Manila to New York: Literature and Colonialism // From Darna To ZsaZsa Zaturrnah: Desire and Fantasy. Pasig City: Anvil Publ., 2009. P. 163–247.